

ЮЛИЯ АЛЕЙНИКОВА

СОН НА
ИВАНА
КУПАЛУ

Часть сборника: Трепет черных крыльев (сборник)

Юлия Алейникова
Сон на Ивана Купалу

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)бя43

Алейникова Ю. В.

Сон на Ивана Купалу / Ю. В. Алейникова — «Эксмо», 2017

«...Сергей Петрович Креницын тоскливо оглядывал комнату, всю в клубах табачного дыма, и переживал очередной приступ стыда. Как он, молодой, но уже проявивший себя в уезде судебный следователь, мог так низко пасть? Зачем он потащился вчера в Камышино? Знал ведь, чем закончится. Конечно, Бороздин – человек гостеприимный, у него всегда весело, но поскольку Николай Васильевич, отставной штабс-ротмистр и записной гуляка, живет бобылем и располагает весьма приличными средствами, доставшимися по наследству, пирушки в его имении всегда носят несколько фривольный характер. Вон сколько народу собралось!.. Все пьяные, девицы явились свободного поведения. Безобразие. Уже и за цыганами послали. Ох, не кончится это добром, узнает начальство о его похождениях и с должности попросит. Бороздину что – сам себе хозяин, что хочет, то и творит...»

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)бя43

© Алейникова Ю. В., 2017
© Эксмо, 2017

Юлия Алейникова

Сон на Ивана Купалу

© Алейникова Ю., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Сергей Петрович Криницын тоскливо оглядывал комнату, всю в клубах табачного дыма, и переживал очередной приступ стыда. Как он, молодой, но уже проявивший себя в уезде судебный следователь, мог так низко пасть? Зачем он потащился вчера в Камышино? Знал ведь, чем закончится. Конечно, Бороздин – человек гостеприимный, у него всегда весело, но поскольку Николай Васильевич, отставной штабс-ротмистр и записной гуляка, живет бобылем и располагает весьма приличными средствами, доставшимися по наследству, пирушки в его имении всегда носят несколько фривольный характер. Вон сколько народу собралось!.. Все пьяные, девицы явились свободного поведения. Безобразие. Уже и за цыганами послали. Ох, не кончится это добром, узнает начальство о его похождениях и с должности попросит. Бороздину что – сам себе хозяин, что хочет, то и творит.

Словно в ответ на эти мысли, хозяин дома, слегка пошатываясь, влез на стол и постучал вилкой по пустой бутылке:

– Господа! Скоро рассвет, пора купаться! И пожалуйста, не отлынивать! Иванов день, господа! Нарушать обычаи – ни-ни. А кто посмеет... – Он нахмурил кустистые брови и закончил совершенно серьезно: – Того мы насильно окунем, а потом заставим нагишом через костер прыгать. Алешка, зажигай!

Кое-кто из гостей заметно побледнел. Все знали, что когда хозяин принимал лишнего, вытворить он мог что угодно. Стоило ли удивляться, что к озеру потянулись все? Девицы висли на Бороздине, счастливо повизгивая, молодежь крутилась рядом, гости более солидные с тоской поглядывали в сторону конюшен и очевидно сожалели, что вовремя не уехали. Криницын шел в числе последних. За ними лакеи тащили стол – прямо с закусками, как стоял, и ящик с бутылками.

После духоты комнаты голова Криницына закружилась. Он даже вынужден был ненадолго опереться на кого-то господина, бредущего рядом в темноте.

– А что, может, и хорошо сейчас искупаться? – улыбнулся он незнакомцу. – Нырнуть в прохладную воду и...

Что «и» – недоговорил. Не придумал, хотя мысль в самом деле показалась соблазнительной.

Добрались до берега, запалили заранее разложенный костер, поставили стол, снова выпили. Бороздин велел всем раздеваться. С визгом и гиканьем, с непристойными шутками побежали к воде.

Криницын, одурманенный озерной свежестью, отошел в сторону, кое-как разделся и медленно стал заходить в воду.

Темная неподвижная громада взяла его в объятия, нежила, баюкала. Криницын лег на спину, прикрыл глаза. Теперь он ничего не видел, не слышал, только чувствовал дыхание ночи и парное тепло воды.

Усталость постепенно отступила. Он повернулся и поплыл к дальнему берегу уверенными гребками. На невысокий, поросший склон выбрался, уже порядком выбившись из сил. С удовольствием растянулся, закинул руки за голову и уставился в светлеющее небо. Звуки

всеобщего веселья сюда почти не долетали. Он слушал цикад, смотрел на гаснущие звезды, вдыхал горький запах трав. Кажется, он задремал.

– Красиво, правда? – раздался над ухом чей-то тихий голос. – И травы дурманом пахнут.

Он сел рывком и немедленно залился краской. Уже светало, над озером плыл слоистый туман. Рядом, обхватив руками колени, сидела девица в светлом, отделанном кружевами платье. «Хорошенькая», – отметил Криницын мимоходом. Нежный профиль, маленький аккуратный нос, а глаза большие, карие. Легкие завитушки волос тихо подрагивали от ветра.

Он тоже подтянул к себе ноги и засмутился собственной наготы.

– Я страсть как люблю рассветы. – Девица, кажется, и не заметила его смущения и продолжала смотреть на озеро. – Иногда летом всю ночь не сплю, только бы рассвет увидеть. Я его всегда заранее чувствую, даже часов не надобно. Сперва темнота становится не такой густой, будто ее водой разбавили, потом краски сереют, все блекнет. Кажется уже, что мир стал безнадежно скучным. И вдруг в одно мгновение все меняется. Совсем незаметно, а пока ты ищешь эту перемену, по небу начинают растекаться розовые, бирюзовые, желтые, лиловые разливы. Я, может, не умею этого словами выразить, – она тряхнула волосами, – но кажется мне, что вы меня понимаете.

Она взглянула на него, но так просто и по-доброму, что он перестал конфузиться.

– Понимаю. Раньше я, признаться, тоже любил любоваться природой, а теперь все, знаете, некогда. – Они помолчали. – А вы откуда приплыли? – Он бросил взгляд на мокрый наряд незнакомки.

– Просто приплыла. – Она ответила не сразу. – Увидела вас, любопытство взяло. Думала, вдруг кто-то знакомый. – В голосе ее зазвенела печаль. – Видите огоньки на том берегу? Девушки суженых ищут, на любовь гадают...

Криницын почувствовал, как к сердцу прилила жалость. Она была такой тоненькой, нежной, пальчики на босых ступнях маленькие, как у ребенка. И совсем белые – то ли от холода, то ли от росы.

– Вы, наверное, замерзли? – Это прозвучало глупо, но он не придумал ничего лучше.

– Не знаю. – Она пожала плечами. – Нет, наверное.

– А как вы все-таки сюда попали? Неужто вам не страшно? А вдруг бы я оказался разбойником?

– Ах, да ведь я вас за другого приняла! Подумала, может... – Из ее глаз серебристыми дорожками потекли слезы, и она еще больше стала походить на ребенка.

– Что вы? Не надо, право, я не хотел... – Криницын разрывался между жалостью и смущением. Все же утешать девиц, будучи совершенно голым, как-то неловко. – Что вы, сударыня!..

Сбегать бы за штанами или уплыть тихонько, пока она плачет. Да какое там – он сейчас только и мог, что неловко гладить рукой ее холодное предплечье.

– Спасибо вам, вы добрый. – Она взглянула на него полными слез глазами и еще раз всхлипнула напоследок. – А вот он... он только притворялся добрым. Такие слова говорил, в любви клялся, а сам... – Она склонила голову и спряталась за водопадом волос.

– Так вы с женихом, значит, поссорились?

– Нет, не с женихом, и не поссорились, а бросил он меня. Обманул и бросил. – Она вздрогнула всем телом. – А ведь как ухаживал, какие слова говорил! Ангелом меня называл, мадонной, звездой. Говорил, что жить не может, а сам...

– Что же он натворил? – Сейчас Криницын уже всем сердцем сочувствовал этому бедному дитю.

– Жениться собрался на другой. Я плакала, умоляла, об обещаниях его напомнила, а он только отмахивался. – Глаза ее гневно засверкали. – Извини, говорит, не могу жениться, потому как помолвлен и свадьба скоро. Зачем же меня обманывал? Влюбился, говорит, голову

потерял, а теперь одумался. Да и невеста богатая, не тебе чета. А я что же, виновата, что бедная? Я люблю его!

Ее лицо было таким несчастным и вся она – такой незащищенной, что он уже забыл о своей наготе, о неловкости. Просто обнял ее и стал утешать, как ребенка.

– Не плачьте, голубушка, не стоит этого. Он негодяй, а вы чудесная, добрая, вы еще сделаете достойную партию. Обязательно. И будете счастливы. – Криницын бормотал это, прижимал ее к себе и сам прижимался щекой к ее пушистым волосам, потом поцеловал макушку, виски, лоб, щеки. Почувствовал губами ее губы – нежные, теплые, отзывчивые.

Стал целовать смелее – шею, плечи. Все происходящее стало казаться волшебным сном, сказкой о прекрасной русалке.

– Ты добрый, хороший, – шептала она. – Ты меня не обидишь. А он кричал, чтобы забыла его и не смела на глаза попадаться. В воду даже столкнул прямо из лодки. А я, глупая, до того за него цеплялась, что булавку сорвала с галстука. Красивая – серебряная, с инициалами. Новой невесты подарок. Он ее показывал и смеялся надо мной, а я сорвала и в лодку кинула. Здесь он меня столкнул, еще и веслом ударил.

– Ах, мерзавец! Забудь о нем, – выдохнул Криницын. Сейчас он желал, чтобы она думала только о нем и любила только его. И он, казалось, полюбил, да и нельзя было в нее не влюбиться – такую тонкую, нежную, с глубокими, как ночь, глазами. – Звезда моя, прекрасная моя.

Он вдыхал дурманящий аромат ее волос, и белый густой туман, как завеса, укрывал их от занимающейся зари.

– Ваше благородие! Сергей Петрович! Да что же это, в самом деле!

Криницын зябко поежился и хотел натянуть на себя одеяло. Как назло, одеяло не находилось, а Мефодий, леший его дери, не желал отстать. Лучше бы одеялом накрыл, дурак. Он еще поворочался, понял, что замерз и больше не уснет, и открыл глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.